

чувствуется некоторый «формализм» мышления (тенденция все объяснять через определяющие формы); усиленный под влиянием Авиценны, он расцветет пышным цветом в учении Дунса Скота. Гильберт Пор-ретанский унаследовал его от Боэция, чьи теологические «Опускулы» он комментировал. Для Боэция бытие вещи — это прежде всего сама вещь, которая есть (*id quod est*), но в каждой вещи он выделял начало, благодаря которому она есть то, что есть. Назовем то, что есть (сущее), — «*id quod est*», а то, посредством чего данное сущее есть то, что оно есть, — «*quo est*»: тем самым мы придем к формулам, восходящим к трактату Боэция «О Троице» и очень широко распространенным в XII веке. Когда мы наблюдаем какое-либо существо, данное в опыте, оно оказывается детерминированным своим *quo est* к бытию тем, что оно есть. Если теперь мы задумаемся, какую огромную роль играет этот определяющий принцип в конституировании какого-либо существа, то можно будет утверждать, что, собственно говоря, *quo est* представляет собой само бытие (*esse*) того, что есть. Это настолько истинно, что у абсолютно простого существа, такого, как Бог, *id quod est* и *quo est* совпадают. Вот почему Бог действитель-

Глава V. Философия в XII веке

202

но есть то, что Он есть. В любом другом существе, напротив, имеет место сочетание того, что оно есть, с тем, посредством чего оно есть, и если мы решаем сохранить имя бытия (*esse*) за *quo est*, то о всяком составном существе можно сказать, что отчасти оно не то, что оно есть (*in parte non est id quod est*). Например, человек — не целиком то, что он есть, так как он состоит из тела и души, являющейся формой тела, и он не целиком эта форма, которая сообщает ему бытие, делая его тем, что он есть.

В произведениях Гильберта Порретанско-го эти заимствованные им понятия приобрели новое звучание. Они фактически соответствовали тому, что было наиболее платонического в аристотелевой концепции бытия, и Гильберт лишь еще сильнее акцентировал их платонический характер. На вершине всего того, что есть, он помещает Бога, который есть сущностная реальность по преимуществу (*essentia*) и от которого все остальное сущее получает свою *essentia*, то есть самое реальность. Следовательно, можно сказать, что Божественная сущность есть бытие всех созданий: «*divina essentia, quam de Deo praedicamus, cum dicimus, Deus est, omnium creaturarum dicitur esse*». С другой стороны, все созданное Богом не есть чистое и простое бытие — это всегда лишь некоторый род бытия. В этом смысле всякое сотворенное существо — составное. Оно разделяется сначала на бытие (*esse*) и на то, что есть (*id quod est*). Бытие вещи есть то, что дает ей возможность быть тем, что она есть. Например, бытие тел — это «телесность»; само тело, существующее благодаря телесности (причем телесность для тела является началом его субсистенции), есть то, что есть. Аналогично «человечность» — это бытие субъекта «человек» сам по себе человек есть то, что есть. Творческое деяние Бога состоит в создании формы (которая по-гречески называется «*ousia*»), по образу божественной Идеи, например телесности или человечности. Эта родовая форма, или сущность, определяет тип соединения опреде-

ленной материи (*materia, hyle*) с ее особенной формой — ее собственной эссенциальностью (*ousiodes*). Божественное бытие (*essentia*) как бы передается таким образом другим творениям, сообщая им бытие (*esse*) посредством их родовой сущности: быть телом означает быть телесностью, так же как быть человеком означает быть человечностью. Утвердившись в бытии через сущность, дающую ей существование (*ee subsistentia*), творение становится субстанцией (*subs-tantia*). Собственно говоря, самой сущности нет,